

Станислав Айдинян

ХРУСТАЛЬНЫЙ ГОЛОС ИСТИНЫ

О жизни и творчестве Анастасии Цветаевой

Анастасия Ивановна Цветаева была старейшей писательницей России, и я знал, что её судьба длительна и интересна, что её «Воспоминания» не просто замечательны, им в литературе тех лет не было аналогов...

Сентябрь 1984 года. Впервые дверь её квартиры на Большой Спасской улице в Москве отворилась предо мной после трёх, всем условленных, звонков. Вступил за порог – неведомой встрече навстречу.

Здороваясь, входя в беседу, заметил сходство с фотопортретом, открывающим все три издания «Воспоминаний» – седая чёлка, высокие дуги бровей. Взгляд – не прямая открытость, а отражённая близорукостью глубина.

– Вы, оказывается, молоды, – сказала она, в голосе её слышалась приглушенная годами звучность, – по вашему письму думала, вы старше... Прочтите, пока я на минуту отлучусь, о сестре моей Марине в «Юности» очерк Тамары Астаповой. Это самое искреннее из того, что о ней за последние годы написано...

Энергичный шаг по комнате к телефону. Номер набран на память. Слитность, образность речи, летящей через густой лес подробностей к насущному, ключевому, ради чего начат разговор.

Ей – почти девяносто лет? Не верилось.

Со стен, со шкафов небольшой однокомнатной квартиры на Большой Спасской фотографии друзей – поэтов, художников, писателей. Внимание уходит к ним, на них: трагический, тёмный взгляд Максимилиана Волошина, гордый облик Осипа Мандельштама, рядом – стремительный каждой чертой Борис Пастернак...

Здесь, у Анастасии Ивановны, чувствуешь себя чуть ли не их современником. Ведь она – живое связующее звено меж

нами и старой русской литературой, меж нами и давно антологическими именами, меж нами и старшей её сестрой Мариной Цветаевой, чьи стихи для многих – золотые листья на классическом древе поэзии.

Анастасия Ивановна закончила телефонный разговор, пошла.

Мы разговорились, сначала говорили о друге её юности, писателе Анатолии Корнелиевиче Виноградове, и потом сразу – о многом другом, конечно, о людях и событиях Серебряного века... И разговор не раз в будущем продолжился, первое посещение не стало последним...

И потом девять лет – до сентября её смертного 1993 года я помогал Анастасии Ивановне редактировать её рассказы, статьи, очерки, стихи, тогда ещё неопубликованный роман «Амог». Общение наше – работа по 5–8 и более часов – в увлечённости, полной погружённости в текст, в шлифовку предложений, прерывалась ещё и проходящими в перерывах междутрудами чаепитиями, во время которых она много рассказывала о себе, о семье Цветаевых и о своём дружеском круге. Об отце – Иване Владимировиче Цветаеве, профессоре-филологе и искусствоведе, основателе Музея изящных искусств на Волхонке (теперь ГМИИ), – второго после Эрмитажа, центрального музея западной живописи и скульптуры в стране. О матери – Марии Александровне, одарённой музыкально, образованной, всесторонне развитой. Это о ней М. Цветаева писала Василию Васильевичу Розанову: «Её измученная душа живёт в нас – только мы открываем то, что она скрывала». Жизнь Марии Александровны трагична была тем, что не однажды оплакала она невозможность любви, преступившей долг...»

Гордость, стать, волю, тягу к свободе сёстры унаследовали от матери. От неё же – эмоциональность, восприимчивость, глубину памяти, может быть, и способность погружаться с головой в человека, в книгу, в день впечатлений. Анастасия Ивановна как-то рассказала мне удивительный случай, говорящий о феноменальной интуиции той, кто подарила миру два столь больших – в дочерях – таланта.

Однажды, придя домой из театра, Мария Александровна увидела, что нет на ней надетой накануне любимой золотой броши с изображением женщины у рояля. Расстроилась: дедушкин подарок. Были поиски с фонарём по переулку, где

жили. Всё тщетно. Легла спать огорчённой... Но – увидела сон: утро, Камергерский переулок, снег. Она идёт по тротуару, видит горбик снега, под ним – брошь! Подняла и проснулась. Несмотря на то, что её отговаривал Иван Владимирович ехать на поиски, – «Поздно уже, Голубка, не найти!» – поехала по следам сна – туда, где была во сне. Вернулась потрясённая, с брошью. Явь оказалась точной копией сна.

Подобное с нею бывало не раз. В ней были черты ясновидения. И она дружила с отцом Дм. Мережковского, Сергеем Ивановичем Мережковским, придворным и мистиком, который считал её выдающимся медиумом...

Слушая устные рассказы Анастасии Ивановны о матери, думал я о том, какую гармонию надо было носить в душе, чтобы снами совпадать подсознательно – с реальностью... В двухтомник «Воспоминаний», выпущенный нами в 2008 году, уже после ухода в иной мир Анастасии Ивановны, вошли эти, прошлым озарённые, сведения...

Однако нельзя не сказать и о том, что и от отца, Ивана Владимировича Цветаева, сёстры унаследовали не только огромную работоспособность, но, видимо, не менее чем от матери и литературный дар. Он оставил исключительно живой, ценный по изложенным фактам и событиям, в то же время ясный, образный, порой остроумный, а не официально-формальный, дневник, говоривший о том, что и ему было что в сфере словесности «завещать» сёстрам...

Анастасия и Марина Цветаевы при общих чертах, унаследованных от матери, при большом сходстве душевного строя – были различны характерами, стремлениями и – прежде всего – судьбами. Марина Цветаева после революции жила в Чехии, потом во Франции, почти вся жизнь Анастасии протекла в России, конечно, кроме детских лет, когда они с сестрою учились языкам в пансионатах. Немецкому – в Германии, во Фрайбурге. Французскому – в Швейцарии, в Лозанне. Вспоминала Анастасия Ивановна, как в 1903–1904 годах ещё девочками-пансионерками поднимались они в ослепительный блеск альпийских снегов, про Женевское озеро, на берегах его практиковались, совершенствовались во французском, который с детства, как и немецкий, прививала им мать. Английский язык она освоила и стала преподавать значительно позже.

Особую роль в становлении Марины и Анастасии Цветаевых сыграл город Таруса, где они проводили лето, именно тут они зачерпнули полным резным ковшом народную речь, сказки и присказки старины русской. Вот откуда у М. Цветаевой в поздней поэзии народные мотивы. Анастасия Ивановна говорила при мне, что сама удивляется, почему в самом преклонном возрасте ей стали вспоминаться старинные народные «тарусские» поговорки и присловия...

«Мы быстро переходили с русского на французский – рассказывала Анастасия Ивановна, – папа называл это перепрыгивание, эту языковую чехарду, „обезьяний язык“, просил, чтобы раз уж начали на каком-то одном говорить, не перекакивали бы на другой». С тех времён и до последних пор в речи Анастасии Ивановны проскальзывали также французские, реже немецкие, выражения. У обеих сестёр были свои кумиры – образы из французской литературы и истории. Они любили стихи Гюго, Бодлера, Верлена, Марселины де Борд Вальмор.

Марина Цветаева в ранней юности увлекалась императором Франции Наполеоном, трагическим и сильным, и сыном его, ребёнком, герцогом Рейхштадтским, нежным и беззащитным...

А Анастасия – у неё был замысел по-своему, по-новому повторить литературный опыт Марии Башкирцевой, русской по происхождению художницы, жившей во Франции, оставившей на французском языке ею написанный откровенный и умный дневник; этот дневник её прославил более, чем опыты – в живописи, скульптуре, науке. Анастасия Ивановна дважды – в 1912 и 1927 годах была на могиле Башкирцевой в Париже. В одной из наших бесед подробно описывала картину кисти Башкирцевой, которая тогда над могилой в часовне была выставлена. Не забудем также и о том, что М. Башкирцевой посвящён «Вечерний альбом», первый поэтический сборник М. Цветаевой. Замысел издать свой дневник неполно, но осуществился первыми книгами Анастасии Ивановны, – «Королевскими размышлениями» (1915) – это тонкая эссеистика, выбранная из дневников. И во второй, очень смелой книге «Дым, дым и дым» (1916). В богоборческих «Королевских размышлениях» – возвышенный вздох над миром о бесцельности и тщетности бытия. Известные мыслители России – Л. Шестов и В. Розанов познакомились с книгой, имели о ней своё

мнение. Вторую исповедальную, откровенную, психологически тонкую книгу отрицательно рецензировал в одной из газет мастер русской прозы Леонид Андреев. Надписывая мне свой «Дым...» годы и годы спустя, Анастасия Ивановна написала – «...книгу, которую misunderstood Леонид Андреев...» – то есть книгу, которую не понял (по-английски) Леонид Андреев. Надо не забыть и то, что как в первой, так и во второй книгах есть краткие строки, ему, Л. Андрееву, посвящённые, и они отрицательные... Это не оставило, видимо, знаменитого драматурга и писателя равнодушным...

После революции судьба Анастасии Цветаевой сначала складывалась трагично – один за другим умерли первый и второй её мужа. Она потеряла в Коктебеле умершего от дизентерии годовалого сына Алёшу. Голод, нищета.

Но воля к жизни оказалась сильнее. Анастасия Ивановна пережила самое трудное, и в 1920–30-х годах преподавала английский язык, жила интересной, полной жизнью, окружённая узким кругом мистически настроенной московской интеллигенции. В начале 1920-х годов по рекомендации М. Гершензона и Н. Бердяева вступила во Всероссийский союз писателей, это была творческая организация, просуществовавшая с 1920 до 1932 года, объединявшая, как тогда выражались, «попутчиков», старых беспартийных писателей и поэтов, дебютировавших до революции. Именно там, в общежитии союза писателей, она познакомилась в 1922 году и близко сдружилась с удивительным человеком, мистиком, розенкрейцером, поэтом-импровизатором Борисом Зубакиным, которому сам Патриарх Тихон присвоил сан Благовестника, который давал право, не будучи священником, проповедовать в церквях. За Б. М. Зубакиным до его ареста и высылки из Москвы она записывала его лекции о этическом герметизме специально выученными для этого стенографическими знаками.

В те годы она была в контакте с некоторыми из тех, кто определял своим творчеством вершины литературы страны – так, она переписывалась с А. М. Горьким, ездила к нему в Италию. Дружила с Б. Пастернаком, из писателей встречалась – с Пантелеймоном Романовым, с которым вместе они отредактировали и сократили его четырёхтомный роман «Русь»; хорошо знакома была с поэтом и писателем И. С. Рукавишниковым, который даже делал ей предложение. Ею был безответно

увлечён драматург К. Тренев, сыгравший потом в Чистополе зловещую роль в судьбе её сестры М. Цветаевой.

Писательница Софья Федорченко написала книгу «Народ на войне», где собрала то, что говорилось в народе. Она писала: «Материалы для этой книги собраны мною на фронте... В большинстве это беседы солдат между собой...» Федорченко была сестрой милосердия. Её книга стала широко известной. Анастасия Ивановна создала несколько позже книгу «Народ о голоде», где тоже были собраны народные высказывания. Однако в 1927 году в Сорренто А. М. Горький сказал ей: «Опоздали вы, Анастасия Ивановна, с этой книгой». Он уже знал, что при проведении коллективизации в деревнях может начаться новый голод и по этой теме советская цензура публикации не пропустит... Так и получилось, книга не вышла, рукопись в 1937 году пропала, как и большинство написанных ею сказок, роман «SOS, или Созвездие Скорпиона», повесть «Флейтист» и многие другие авторизованные машинописи и рукописи.

Ещё до Первой мировой войны она читала по-французски и в переводе Софии Парнок Марселя Пруста. С тех пор считала его первым из прозаиков. Он оставался и был для неё непревзойденным, и в её «Воспоминаниях» при всей их самостоятельности, есть «прустовская» пристальность в предметных описаниях.

Интересно также, что когда я спросил Анастасию Ивановну, – а какой город из всех, увиденных в путешествиях, ей к сердцу всего ближе, она отвечала: «Я никогда не любила Петербург, он мне холоден, даже страшен. Люблю Москву и Париж. В Париже, каким я его запомнила, ощущение лёгкости, непринуждённости, свободы».

Была в её жизни встреча, и произошла она в доме Максимилиана Волошина, художника и поэта... У Волошина Анастасия Ивановна встретила и подружилась с девушкой, писавшей французские стихи. Этой девушке в будущем суждено было сыграть определённую роль в истории французской культуры, поскольку это была Майя Кудашева, в девичестве – Кювилье, впоследствии Майя Роллан, жена Ромена Роллана. Это она, Майя, некогда влюбилась в поэта Андрея Белого, и Анастасия Ивановна ездила по её поручению за город к нему – делать от Майи предложение. Но тот отвечал – «Нет, Анастасия Ивановна, это невозможно. От Майи исходит

женская опасность!.. Вот если бы это предложение исходило от вас...» Но от Анастасии Ивановны подобных предложений к Б. Н. Бугаеву – Андрею Белому не исходило.

Она добровольно, под влиянием Б. М. Зубакина, приняла мистико-религиозный обет и следовала ему – не пить, не курить, не вступать в интимные связи... Отказалась и от своего дневника, перестала его вести, так как это была ежедневная хроника её мыслей и чувств, а что они перед Вечностью?.. Когда Майя Роллан приезжала в довоенную Москву, они виделись дома у Анастасии Ивановны. И Майя Павловна повелительно приказала приставленной к ней сопровождающей женщине подождать в коридоре, чтобы подруги, много лет не видевшиеся, могли бы поговорить спокойно и откровенно. Потом, по возвращении из тюрем и сталинских ссылок, Анастасия Ивановна возобновила переписку с Майей Павловной. Незадолго до кончины мадам Роллан её посетила в Париже журналистка, близкая приятельница Анастасии Ивановны, Галина Игнатъевна Медзмаришвили, в те годы жена полпреда Грузии, она передала от московской подруги письмо и журналы с публикациями воспоминаний. Об этой встрече Галина Игнатъевна написала очерк, который был потом опубликован в газете «Вечерний Тбилиси». Потом о М. П. Роллан Галина Игнатъевна написала книгу «Я жив благодаря ей...» (Эпизоды жизни М. П. Роллан), которую издал в 2000 году Дом-музей М. Цветаевой в Москве.

Переписка супруги создателя «Жана Кристофа» и «Кола Брюньона» с А. И. Цветаевой длилась долго. В сохранившихся письмах – теплота дружбы, желание вновь побывать в скалочном горном Коктебеле – крымском местечке, где Анастасия и Майя провели в юности незабываемые дни и часы. О Майе немало упоминаний в «Воспоминаниях».

В 1985 году я по предложению Анастасии Ивановны поехал в Коктебель. Она написала жившим прямо перед входом в писательский пансионат сёстрам Журавским. И я поселился в маленьком отдельном каменном домике в саду у них. Это были уже не три, а две сестры из круга М. Волошина. У них дома хранился большой альбом с фотографиями Максимилиана Александровича. И у них был единственный в Коктебеле в те годы Театр камней.

Сёстры в юности на горном Карадаге находили драгоценные и большие полудрагоценные камни – аметисты, хри-

золиты, халцедоны, гранаты. Карадаг когда-то после дождя сверкал снопами искр, это оживали светом омытые дождем кристаллические камни... Так вот сёстры торжественно восходили на грубо сколоченный из досок помост-сцену. И подставляли лучам солнца некогда найденные камни. И снопы искр и свечений радовали пришедших к ним гостей – восхищённых зрителей...

Анастасия Ивановна приехала несколькими днями позже меня и поселилась в Доме творчества писателей. Марии Степановны, вдовы Макса, у которой она раньше останавливалась в Доме Поэта, уже не было в живых, она умерла в декабре 1976 года. О её смерти Анастасии Ивановне подробно написала в напечатанном на машинке письме писательница Е. В. Нагаевская.

Помню солнечный день в осеннем Коктебеле – волшебном ансамбле гор и переменчивого по цвету моря, на берегу которого тогда уже редко находили полудрагоценные камни. Анастасия Ивановна отправилась навестить Дом-музей её друга, М. А. Волошина. По пути в музей в рассказах Анастасии Ивановны оживал – до зримости – её Макс, Максенька, которого, когда он приезжал в Москву и заходил к ней в гости, по её словам, «было приятно кормить, как кормить слона». Интонациями, тоном Волошина Анастасия Ивановна читала его стихи, вспоминала облик поэта – «голову зевсову, большую, копну густых волос» на которых обручем – полынный венок, в светлых глазах – грусть и самоуглублённость.

Мы пришли в музей. В мастерской некогда стоял большой стол, но его вынесли ради удобства продвижения экскурсантов. С этим Анастасия Ивановна согласна не была. Хотя мастерская совсем небольшая и если бы там стоял, как раньше, стол, проходить группам было бы почти невозможно. В мастерской экскурсовод громко читала в манере Беллы Ахмадулиной стихи Марины Цветаевой. Беллу Ахатовну Анастасия очень любила, относилась к ней с большой теплотой. Несмотря на ослабший с возрастом слух, Анастасия Ивановна услышала стихи старшей сестры в таком исполнении и сказала – «Она воет как Белла, а Белла воет как лирический шакал!..»

От террасы дома наверх, к смотровой площадке, на башню ведёт деревянная лестница, крутая и узкая. Анастасия Ивановна вышла из мастерской на террасу, обернулась к сопровождавшим её друзьям и служителям музея. Она, обратив-

шись ко мне, отдала свою трость, которую часто тогда носила под мышкой, и сказала – «Станислав, 75 лет назад я поднималась сюда без трости и сейчас без неё поднимусь!». И – стремительный взлёт ступенями вверх, она уже любит горным Карадагом, одна из скал которого очертанием напоминает – почти повторяет профиль её Макса. С неба, с гребней скалистых гор струились тёплые осенние лучи...

Ещё одну дружбу Анастасии Ивановны я не хотел бы забыть – дружбу с гимназической подругой, Еленой Дьяконовой. Галя, Гала – это она себе сама потом придумала, – говорила Анастасия Ивановна о подруге, с которой она виделась последний раз до войны, в 1927 году в Париже, когда та была женой любимого Францией поэта Поля Элюара. В «Воспоминаниях» подробно и изящно описана встреча с Элюаром, сопутствовавшая встрече взаимная «восхищённость», нескончаемость беседы, на часы растянувшейся. Потом Дьяконова покинула Элюара и разделила жизнь с Сальвадором Дали. Стала под его кистью легендарной «Гала», о которой столько лет писала светская хроника. Об их с Сальвадором чудачествах и роскошествах говорил мир. Несмотря на светский образ жизни, Гала Дали не забывала старую подругу, живущую в далёкой России, писала в Москву письма, присылала фотографии. Я видел тогда одну из них – на ней Гала уже в возрасте, немолода, с бантом в волосах.

Большинство сказок, повестей, романов, написанных А. И. Цветаевой в 1920–30-х годах, до нас не дошли, потому что до войны она печаталась редко. Не соглашалась на произвольную редактуру, на идеологическую «лакировку» своих произведений – на шаблон и плакатность, которые, увы, в те времена часто требовались редакторами от литераторов. Честность перед собою и твёрдость не позволяли идти на компромисс. Так что она больше занималась переводами – например, в 1924 году в альманахе «Современный Запад» была опубликована переведённая ею повесть французского писателя Т. Жува «Миссионер». А как сестра её, Марина Цветаева, знала французский язык, как чувствовала стиль! «Она перевела свою поэму «Молодец» (Le Gars) французскими стихами, – рассказывала Анастасия Ивановна, – Я говорила тогда и теперь говорю, что эта поэма написана «пылью растёртых слов», невероятно было сотворить такой же язык на французском, но Марина это сделала».

Когда мы читаем «Воспоминания» Анастасии Ивановны, не покидает подобное ощущение: слова, предложения исчезают, возникают живые лица, оживает реальность.

По ложному обвинению в контрреволюционной деятельности Анастасия Ивановна была в 1937 году арестована. Она действительно была в составе религиозной группы, возглавляемой Борисом Михайловичем Зубакиным, однако, эта группа, называвшая себя Lux Astralis, на самом деле оставалась весьма далека от политики. В своих показаниях, данных ею в Вологодской области, где была арестована как «повторник» 23 марта 1949 года, Анастасия Ивановна на допросе говорила: «...До 1918 года я была атеисткой. В 1918 г. в связи со смертью моей близкой подруги Зилинской Валентины Павловны я начала отказываться от своих атеистических взглядов и стала молиться. Примерно в 1922 г. я познакомилась с Зубакиным Борисом Михайловичем, поэтом-импровизатором и скульптором. Зубакин являлся учеником чеха Кордига, проживавшего в Петербурге.

30 июня 1907 г. в Петербурге при активном участии Кордига в России был организован мистический религиозный кружок, имевший свои истоки от средневекового, так называемого, «Ордена розенкрейцеров». Доктрина этого Ордена была близка к христианской православной Церкви.

Однако само слово «розенкрейцер», что по-немецки означает «роза и крест» объясняется как «носители культуры на кресте», т.е. последователи этого Ордена являются проповедниками и религии, и культуры. Зубакин являлся преемником Кордига, в вопросе этого мистического кружка был его последователем. После моего знакомства с Зубакиным, он неоднократно беседовал со мной об этом Ордене по разным религиозным вопросам и в дальнейшем, общаясь в кругу знакомых Зубакина, мы разбирали разные вопросы религии.

К моменту моего знакомства с Зубакиным, в Москве уже существовала возрождённая Зубакиным мистическая организация под названием «Lux Astralis», что в переводе с латинского на русский язык означает «Астральный свет». Сокращённо мы называли нашу группу «LA». Эта группа являлась идейным продолжателем Ордена розенкрейцеров и строилась по иерархическому принципу: все участники группы делились на три степени посвящения: начальная степень – RA – т. е. «рыцарь Астры» средняя степень – DA – «дарохранитель»,

и высшая степень – WA – объяснения этого не знаю. Посвящение в одну из степеней производил Зубакин, имевший высшую степень посвящения «WA». Я лично никогда ритуал посвящения не видела и могу только указать, как я была посвящена в степень: это было в доме Зубакина в 1924 г. без посторонних. Зубакин произнёс молитву, а затем прикоснулся мечом и крестом. Крест я поцеловала. Зубакин мне сказал, что я посвящена в среднюю степень «DA».

Кроме того, группа имела свои реликвии: крест «Сакрэ-кёр» – массивный крест с медальоном сердца посередине и голубое убранство, лампада розовая в форме цветка. Крест «Сакрэ-кёр» был главной реликвией.

Сколько человек входило в мистическую группу – я не знаю, ибо Зубакин об этом не говорил, а я не спрашивала. Знаю, что отдельные члены группы в количестве 3–4 человек нерегулярно собирались на квартире у Зубакина или у меня и слушали разъяснения Зубакина по вопросам религии, нравственности, троичности Божества, свойств Божества, по разным философским вопросам. Все члены нашей группы стояли на идеалистических позициях, были верующими. Кроме всего этого, мы вместе молились.

Следует ещё указать, что до приезда в Москву Зубакин ещё проживал в г. Смоленске. Ещё хочу сказать, что чех Кордиг погиб в первую империалистическую войну. Вот всё, что мне известно об этой мистической религиозной группе.

ВОПРОС: Из ваших показаний не ясно, какие цели ставила перед собой организация, нелегально существовавшая под видом мистической организации «LA».

ОТВЕТ: Я не называю нашу группу «LA» организацией именно потому, что ни о каких целях никогда не шла речь, а люди были объединены между собой в силу своих духовных взглядов и интересов.

ВОПРОС: Каково было отношение членов вашей организации к существующему в СССР строю?

ОТВЕТ: Во время наших сборищ бесед на эти темы не было, поэтому конкретный ответ на этот вопрос я дать не могу». (Цитируется по книге «Розенкрейцеры в Советской России». Документы 1922–1937 гг. Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А. Л. Никитина. М., «Минувшее», 2004, с. 419–420).

После ареста 2 сентября 1937 года в Тарусе её и сына Андрея Борисовича Трухачева, последовало пребывание в тюрьмах и ИТЛ, то есть в исправительно-трудовых лагерях.

Потом ссылка в Сибирь, сначала со сроком, потом «навечно». Сибирские годы она описала в своих «Сибирских рассказах», опубликованных в журнале «Юность». Рецензент газеты «Московские новости» писал о тех рассказах: «Это тихая и скорбная поэма о человеческом терпении, стойкости и неподвластности злу, недостойному даже упоминания». Рассказы пользовались невероятным читательским успехом и редакционная почта откликов, им посвященных, была огромна.

Далее была издана и книга Анастасии Ивановны «Моя Сибирь», куда они вошли. А почти «полное собрание» рассказов о животных, позже в расширенном виде составило книгу – «Непостижимые» (1992). К ней был эпиграф – «Чем больше звереют люди, тем человечнее делаются животные».

Ната Ефремова в библиографических заметках о жизни и творчестве А. И. Цветаевой, названных «Любовь для всех и каждого необходимая», пишет: «В повести «Моя Сибирь», законченной ею в 1976 году, многие страницы написаны как покаяние. Анастасия Ивановна вспоминала с неизжитой болью, как однажды не могла ничем накормить голодную собаку («но не было даже корки хлеба»), как не почувствовала приближение расправы над подружившимся с ней гусем-калекой (сколько раз заступалась за него!), а однажды не нашла в себе сил, чтобы в холодной избе подняться с постели и открыть дверь знакомым детям («хотя и не по делу пришли, а движимые только желанием общаться»). На первый взгляд, всё это вроде бы мелочи... Но только не для Анастасии Ивановны – для человека, завещавшего нам «жить по правде», как когда-то завещала ей мать» (Цитируется по журн. «Южное сияние», 2019, № (32), с. 110–111).

В самые трудные, самые гнетущие времена А. И. Цветаева не рвала нитей, связывающих её с искусством – рисовала, занималась лепкой. И всегда, всегда – писала. Потом прошли годы, уже подрастала старшая её внучка, Рита, – ей Анастасия Ивановна стала с 1957 года рассказывать своё детство. Тогда нашла она тон и ёмкую зримость, которая притекала к ней потоком памяти мудрой и наблюдательной. Именно эта зримость проявилась на страницах «Воспоминаний», которые потом стала рассылать на прочтение друзьям.

Восторженным был отклик друга-поэта Бориса Пастернака, он писал Анастасии Ивановне, получив почтой машинопись первых глав «Воспоминаний»: «Только что получил и только что прочёл продолжение, читал и плакал. Каким языком сердца всё это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней! Как бы высоко я Вас ни ставил, как бы ни любил, я вовсе не ждал дальше такой сжатости и силы...»

Художественные достоинства мемуаров оказались неожиданно столь высоки, что её давний друг поэт Павел Антокольский даже мемуарами назвать книгу А. Цветаевой отказывался. Рецензия П. Антокольского вышла в «Новом мире», самом авторитетном тогда литературном журнале Советского Союза. «Назвать эту книгу мемуарами немыслимо, – писал он, – Точно так же, как „Детство. Отрочество. Юность“ Льва Толстого и „Дэвид Копперфилд“ Диккенса суть не мемуары, а роман, эпос, так и книга Цветаевой включает в себя высокий лиризм и реалистически точное исследование души».

Да, писательница-мемуаристка Анастасия Цветаева была с литературой не просто в «дружеской» или «родственной связи». Её «Воспоминания» для России имеют не меньшее значение, чем для Франции психологическое возвращение в детство Робера Андре, его книга – «Дитя Зеркало», или воспоминательная проза о детстве и юности Марселя Паньоля.

Я думал о секрете столь долгого, почти столетнего её творчества, о силе таланта, развивавшегося всю жизнь и не погасшего на её склоне, ведь последние годы дали больше осуществлённого, опубликованного, чем все предшествующие периоды... И пришёл к выводу, что дело не во внешних чертах – секрет в том, что Анастасия Ивановна – очень волевой человек, силой воли преодолевшая старость. Сохранённая с детских лет восприимчивость давала сильную для её возраста память. Воспринимала она не только глазами, которые с юности близоруки, не только слухом, который с возрастом значительно ослаб, но всем существом, – душой, душевным опытом, душевным богатством, накопленным за жизнь.

Вот почему она могла, всего один раз увидев человека, один раз поговорив с ним, потом высказать о нём «в воздух» целое устное психоаналитическое эссе – о замеченных чертах, манерах, еле уловимых нюансах поведения.

Дар психологического анализа, эмоциональность, искренняя религиозность – вот ещё ключи к секрету творческого долголетия. Что до физической стороны, то долголетие тут имело основой воздержанность от каких бы то ни было излишеств, с 27-летнего возраста вегетарианство, холодные обтирания. Возможно, помогала и способность душою уходить в так ярко запомнившееся детство, из него черпать первоизданную бодрость, энергию... На энергии бодрости, восхищённым пером написана ею и повесть «Сказ о звонаре московском» вышедшая сначала в журнале «Москва», потом в составе книги «Моя Сибирь», а потом и отдельным расширенным изданием, в соавторстве с родным братом главного героя повести, с Н. К. Сараджевым. Это была повесть о человеке, обладавшем феноменальным слухом, поражавшем Москву исполнением своих произведений, «гармонизаций» на колоколах. Он, звонарь-музыкант Константин Сараджев, был ясновидящим и яснослышающим.

А. М. Горький, прочтя первый вариант повести, привезённый ею ему в Сорренто, в Италию, сказал – «Пишите о нём, Анастасия Ивановна, такой книги ещё не было!..» Анастасия Ивановна привозила к Горькому и свой неоконченный фантастический роман «Музей», в котором, по сюжету, в Музей изящных искусств заходит Эдварс, это фамилия Бориса Михайловича Зубакина по матери, – тут начинается наводнение, Москва-река выходит из берегов, музей поднимается на волны и плывёт в древние Дельфы. Эдварс-Зубакин берёт на себя командование над кораблём-музеем и подавляет возникший бунт нижних чинов...

Этот роман был своего рода предтечей и современником фантастических повестей М. А. Булгакова. К сожалению, он «пропал без вести» при обыске в её квартире и аресте Анастасии Ивановны в 1937 году. Тем же высоким уровнем таланта, вкуса и оригинальности Анастасия Ивановна писала позже, в конце жизни, очерки, рассказы – публиковала их в популярных журналах и публикации эти в те годы сразу становились редкостью, за ними выстраивались очереди в публичных библиотеках. Их читали, надолго запоминали. Такова была неоскудевающая природа её таланта.

Своеобразным «продолжением» основного труда жизни Анастасии Ивановны, её «Воспоминаний», стал автобиографический роман «Амор», в нём от лица главной героини –

Ники, рассказывается о жизни в лагере, в проектно-сметном бюро и, параллельно, о юности и молодых годах той, от лица которой идёт рассказ, жизнью которой стремительно движется повествование... Роман «Атог» Анастасия Ивановна называла «мой слоёный пирог», имея в виду чередование разных планов в повествовании.

К последним книгам относится также и «О чудесах и чудесном» (1992), где собраны написанные по совету друга-священника, её крестника, отца Виктора Мамонтова, миниатюры и новеллы на религиозные темы. (Многие из них отец Виктор предварительно опубликовал в рижском альманахе «Христианос» под общим названием «Духовные были» в 1991 году). Также и книга «Неисчерпаемое» (1992), включившая в себя целый веер очерков о писателях, музыкантах, художниках...

Однажды я спросил Анастасию Ивановну, какой период жизни она считает наиболее благоприятным для человека, она не задумываясь, сказала: «Детство задыхается в невыразимости, молодость отдана чувствам, но самая блаженная пора – зрелость, когда уже пробуждён анализ вокруг сущего, когда ты не обольщён жизнью, тебе принадлежит всё, оттого, что тебе ничего не надо и ты слышишь до того неведомый слуху хрустальный голос истины, когда мир лежит перед тобой во всём своём безмолвном величии, и когда обо всём, что было ранее, ты можешь сказать твёрдо: дым, дым и дым...». Потом этими словами она завершила авторское послесловие к сокращённому варианту её книги «Дым, дым и дым», вышедшей в 1916 году и в сокращении переизданной издательством «Современник» в 1988 году в сборнике прозы русских писательниц «Только час».